

УДК 81'22

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-120-134

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СИМВОЛОВ В РОМАНЕ В. В. ВЕРЕСАЕВА «СЕСТРЫ»

В. Ю. Сухотина

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия

В статье изучены символы как инструменты выражения идеи художественного произведения — романа В. В. Вересаева «Сёстры». Художественные детали романа рассмотрены в контексте теории знаков Ч. С. Пирса. На основе изучения работ Н. Д. Арутюновой, А. Ф. Лосева, М. Л. Ковшовой дана собственная трактовка символа. В статье раскрыты основные характеристики данной лингвокультурной детали, затронута проблема понимания ее сущности и роли в построении художественного пространства романа. В романе В. В. Вересаева «Сёстры» выделены текстовые и нетекстовые знаки-символы. Предпринята попытка интерпретации важных для понимания культурной эпохи произведения фрагментов. В результате исследования было выявлено, что выделенные в текстовом пространстве романа символы обладают императивностью, образностью. Более того, они обладают планом выражения и содержания, выражают авторскую идею, отражают культуру определенной эпохи. В статье показан механизм образования новых смыслов знаков-символов. Посредством данного процесса происходит обновление культурных представлений и установок членов языкового сообщества, связанное со сменой культурно-исторической парадигмы. Символы являются частью художественного пространства романа и представляют собой особые общественные правила. Значение символов является частью сознания представителей лингвокультурной общности, что говорит об их коллективном, универсальном характере. Они, как правило, основаны на образах наивного мира, но могут описывать сущность духовного мира. Различные виды знаков-символов подчиняются культурным таксонам *Старая Жизнь*, *Новая Жизнь* и элементам дихотомии «свой — чужой», что ярко изображает специфику эпохи начала XX века.

Ключевые слова: художественное пространство; символы; культурная эпоха; интерпретация; ментальный образ.

Цитирование: Сухотина В. Ю. Лексико-семантические и функциональные характеристики символов в романе В. В. Вересаева «Сестры» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 4 (72). С. 120–134. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-120-134.

**Lexico-Semantic and Functional Characteristics of Symbols
in V. V. Veresaev's Novel *The Sisters***

Valeria Ju. Sukhotina

Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russia

The article examines symbols as instruments for conveying the artistic concept of V. V. Veresaev's novel *The Sisters*. Artistic details are analyzed within the framework of C. S. Peirce's semiotic theory. The study proposes its own interpretation of the symbol, drawing on the works of N. D. Arutyunova, A. F. Losev, and M. L. Kovshova. It identifies the principal characteristics of this linguistic and cultural element, addressing the challenges of understanding its essence and role in shaping the novel's artistic space. The text of *The Sisters* reveals both textual and extra-textual signs functioning as symbols. The article interprets passages critical for understanding the cultural context of the work. Analysis demonstrates that the symbols embedded in the textual space possess both imperativeness and figurativeness. They operate on expressive and content levels, conveying the author's intent and reflecting the culture of a specific historical era. The study also elucidates the mechanisms by which symbolic signs acquire new meanings. Through this process, the cultural ideas and values of the linguistic community are renewed, corresponding to shifts in cultural and historical paradigms. Symbols are integral to the artistic space of the novel and embody specific social norms. They constitute elements of the collective consciousness of the linguistic and cultural community, indicating their universal character. While often rooted in images of the everyday, naive world, symbols can also articulate the essence of the spiritual sphere. Finally, various types of symbolic signs in the novel align with the cultural categories of *Old Life* and *New Life*, vividly illustrating the distinctiveness of the early twentieth-century historical and cultural context.

Key words: artistic space; symbols; cultural epoch; interpretation; mental image.

Citation: Sukhotina, Valeria Ju. (2025) Lexico-Semantic and Functional Characteristics of Symbols in V. V. Veresaev's novel *The Sisters*. *LUNN Bulletin*, 4 (72), 120–134. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-120-134.

1. Введение

Современная лингвистика развивается в рамках антропоцентрической парадигмы. Вектор исследования сместился на человека (Lévi Strauss 1966; Bernstein 1972; Schwartz 1994; Hofstede 1997; Hart 1998; Лотман 2000; Красных 2002; Hansen 2003; Smith 2004; Кузе 2012; Токарев 2021a). В связи с этим в настоящее время внимание исследователей сконцентрировано на явлениях языка, объясняющих механизмы мышления индивида и порождения новых смыслов. К данным явлениям, отражающим особенности мировосприятия и понимания, относятся символы (Маслова 2001; Шумбасова 2020). Они объективируют наивные представления человека о мире. В процессе обработки полученных знаний в сознании индивида формируются ментальные модели, которые в дальнейшем закладывают фундамент его национальной идентичности (Fairclough 1989; Van Dijk 2001; Бурукина 2020; Джамбаева, Жанабай 2025).

Ментальные образы, сформировавшиеся в сознании представителя лингвокультурной общности, реализуются в тексте путем использования текстовых и нетекстовых символов.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении лексико-семантических и функциональных особенностей символов при интерпретации художественного текста (на материале романа В. В. Вересаева «Сёстры»). Цель обусловила необходимость решения следующих задач:

- 1) изучить специфику символов и их использования в художественном тексте;
- 2) выявить лексико-семантические и функциональные особенности символов;
- 3) выделить особенности использования символов автором романа «Сестры».

Объектом исследования являются знаки-символы, содержащиеся в художественном тексте. Предмет включает лексико-семантическую и функциональную репрезентацию художественного пространства романа В. В. Вересаева «Сёстры» при помощи символов.

2. Характеристика материала и методов исследования

Для достижения поставленных задач были использованы следующие методы и приемы исследования: концептуальный, ономаσιологический, семасиологический.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Проблемой изучения символа как лингвокультурологической единицы занимались многие ученые, тем не менее не было выработано единого определения данного явления. Н. Д. Арутюнова обращала внимание на функциональный потенциал символа. Данный вид знака, приобретая определённые функции в обществе, вводит в нем свои правила поведения. По мнению Н. Д. Арутюновой, «стать символом значит приобрести определяющую жизнь человека или коллектива людей функцию, властно диктующую выбор жизненных путей и моделей поведения» (Арутюнова 1999: 338). У истоков семиотической теории стояли Ч. Моррис (Morris 1938), Ч. С. Пирс. Разрабатывая семиотическую теорию, Ч. С. Пирс также придерживался данной концепции и определял символ как «репрезентативный, чей репрезентативный характер состоит в том, что он является правилом, которое обусловит его Интерпретант» (Пирс 2000: 87).

Правила использования знаков-символов в речи не могут быть определены их интерпретаторами (Токарев 2021b). В связи с этим А. Ф. Лосев подчеркивал в определении символа, что данный феномен представляет собой «заряженную множеством структур, призванную творчески переделывать действительность» (Лосев 1995: 17).

Культурологическим критерием символа является его типичность, универсальность. Согласно М. Л. Ковшовой, типичность символа проявляется в его

устойчивости и воспроизводимости: «Символы представляют собой константы, особого рода устойчивые образы, в структуре которых предметный и глубинный смысл находятся в тесной взаимосвязи, что предопределяет регулярную воспроизводимость культурного символа» (Ковшова, Гудков 2017: 119). Таким образом, исследователь выделяет в символе следующие особенности: устойчивость, предметность и воспроизводимость. Структуру символа предопределяет заложенная в него идея, отраженная в форме некоего объекта.

Ввиду полученной в ходе анализа теоретических источников информации символ определяется как лингвокультурная единица, обладающая знаковой природой, принадлежащая в равной степени миру вещей и ментальных образов различных культурных пластов, передающая национальный характер и определенные правила поведения человека в обществе (Токарев 2022). Данное лингвокультурологическое явление имеет ряд признаков: 1) обладает знаковой природой и, соответственно, имеет план выражения и план содержания, семиотическую связку (Арутюнова 1999); 2) имеет, как правило, яркое образное основание, которое запечатлевается в сознании индивида; 3) выражает некую идею, принадлежащую равно как к вещному миру, так и к миру ментальному (Топоров 1995); 4) определяет правила поведения человека и выступает для него ориентиром; 5) является атрибутом наивной картины мира.

Анализ романа В. В. Вересаева «Сёстры» позволил выделить символы текстовые и символы эпохи. Г. В. Токарев разграничивает данные типы символов, поскольку «текстовые символы неотделимы от текста, формируются в нём и далее определяют его воздействующую силу, во-вторых, характеризуются акциональностью, которая выражается в том, что текстовый символ отражает и проектирует человеческие практики. Текстовые символы напрямую связаны с таким свойством текста, как регулятивность» (Токарев 2016: 155). Следовательно, текстовые символы характеризуются такими признаками, как акциональность, так как обладают способностью оказывать влияние на человека и описывать его деятельность, и регулятивность — данный признак является определяющим в процессе познавательной деятельности читателя. Также, по мнению В. А. Масловой, символы могут генерироваться повседневностью, как и генерироваться текстом: «Символ как бы наращивается на прямом значении соответствующего слова, не заменяя и не видоизменяя его, но включаясь при этом в широкий культурный контекст» (Маслова 2001: 84).

Так, *валенки* следует отнести к текстовым символам. Данный знак читатель встречает в заключительной, третьей главе романа. Автор повествует об узурпации власти командой молодых активистов — Лелькой и другими ребятами, в том числе Юркой. Всецело доверяя девушке, Юрка забирал у зажиточных крестьян одежду, обувь, скот — всё, что могло пригодиться в колхозе. Забирая у ребенка валенки, Лелька держалась стойко и бескомпромиссно. Активисты потеряли голову от видимого и желаемого успеха своей деятельности и допустили перегиб,

о котором впоследствии Юрка будет вспоминать с болью в сердце: *Каждую ночь его вижу... Бежит босой по снегу: «Дяденька! Отдай валенки!..»* (Вересаев 1990: 351). Так, валенки в тексте романа являются символом милосердия, укора за бездушие.

Автор особенно обращает внимание читателя на такой предмет одежды, как платье. *Платье* также является текстовым символом. Приметной особенностью платья Нинки является его потрепанность. Одежда была ношеной, покрытой пылью и не соответствовала требованиям этики. Своим видом Нинка бросает вызов буржуазному обществу: *На площадке огромное зеркало отразило поношенное, покрытое пылью платье Нинки и озорные, вызывающие лица обоих.* (Вересаев 1990: 209) Марк поддерживает Нинку в ее решении: *А что платье... — Его глаза сверкнули тем грозным вызовом, который иногда так изменял его добродушно-веселое лицо. — Что же, мы будем стесняться и стыдиться нэпачей?* (Вересаев 1990: 209) Излюбленным местом отдыха представителей буржуазии в тексте представляется *ресторан*. Так, ресторан, платье являются текстовыми символами буржуазии. Данные символы используются в тексте с негативной окраской.

Текстовым символом также является вербальный знак *косы*. В дневнике Лелька оставляет своей сестре нравоучительное замечание: *Но одна моя к тебе просьба напоследок: Нинка! Остриги косы! Дело не в косах. А — отбрось к черту буржуазный пережиток* (Вересаев 1990: 187). Косы являются символом изжившего себя буржуазного строя. Его использование в романе обусловлено присутствием в тексте атрибутов «старого» и «нового» миров. Символ *косы* относится к понятию старого быта и содержит негативный оттенок значения.

В текстовом пространстве романа также содержатся узуальные символы, такие как *самовар* и *лапти*. Представляя собой объект вещного мира, самовар определяется как «металлический прибор для кипячения воды с топкой внутри, наполняемой угольями» (ТСРЯ 1940: 30). Люди издавна кипятили воду для чаепития и созывали гостей. Однако в ментальной картине мира самовар как предмет быта приобрел символическое значение гостеприимства и дружеской атмосферы: *Сейчас все сидели в большой комнате за блестящим самоваром. Были гости. Шумно разговаривали, смеялись и выпивали* (Вересаев 1990: 249). Узуальное значение данного символа во многом соответствует текстовому значению.

Лапти носили и зажиточные люди, и крестьяне, но традиционно этот вид обуви ассоциируется с деревней. Согласно толковому словарю Д. Н. Ушакова, лапти — это «плетеная обувь из лыка или веревок, охватывающая со всех сторон ступню ноги» (ТСРЯ 1938: 26). *И странно, почти не было в городской одежде, — стояли все бородатые мужики, в полушубках, многие в лаптях. Местный пастух, в очень грязных, разбитых лаптях, выкладывал из сундука вещи, изумлялся и встряхивал волосами* (Вересаев 1990: 345). В тексте романа

узуальное символическое значение данного вербального знака совпадает с представленным в тексте романа значением: преимущественно обувь крестьян, символ бедности.

В процессе интерпретации текста важным является символ *маски*. Маска символизирует стремление защититься от реальности внешнего мира либо от самого себя. Так, маска помогает главным героиням скрыть от окружающих глубокий личностный кризис, скрыть чувства: *Я [Нинка] (прим. — В. С.) очень самолюбива, очень чутка на насмешки, и когда у меня самой срывалась маска под давлением искренних чувств, я быстро напяливала ее опять* (Вересаев 1990: 206). При этом Нинка лично проводила деятельность по разоблачению масок окружающих ее людей: *Маска сорвана и, растоптанная, валяется на земле. А кто сорвет маску с меня?* (Вересаев 1990: 220). Итак, узуальное значение символа *маска* во многом совпадает с его значением в тексте. Маска символизирует сокрытие истинной личности.

Использование автором конкретных языковых единиц во многом обусловлено историческим контекстом. Находясь под влиянием идей В. И. Ленина и его учения, Лелька переживала внутренний кризис борьбы двух личностей — личности комсомолки и личности «великого шарлатана». В дневнике девушки упоминали символ *лестницы*, представляя свою жизнь как движение вверх и вниз, переход с одной ступеньки на другую: *Позвольте мне раньше побегать по всей лестнице вверх и вниз, постоять на каждой ступеньке, все узнать самой и продумать все самой же* (Вересаев 1990: 196). Личность «великого шарлатана» ассоциируется с одной из таких ступенек и выражается в поисках правды, изучении мира и наблюдении за поведением окружающих. Нинка учит сестру: *...чтобы жизнь тебя не надула, нужно, хоть на время, стать «великим шарлатаном», не верить ни во что и в то же время во все верить, научиться понимать всех людей, стать насмешливым наблюдателем на арене жизни и непрерывно производить эксперименты* (Вересаев 1990: 197).

В романе «Сестры» преобладают символы эпохи, которые формируются из совокупности знаков, относящихся преимущественно к миру вещей и к определенной культурно-исторической эпохе. В домах люди развешивали алые плакаты с изображением вождей; девушки повсеместно начинали носить красные косынки, а пионеры — красные галстуки. Красный цвет одежды передавал идею смены политического устройства. Так, *красная косынка* явилась ярким символом периода 1920–30-х годов, нового государства. Девушка, носившая такой головной убор, признавалась обществом в роли активистки и истинной комсомолки.

Также во внутритекстовом пространстве романа можно отметить частотное использование автором феминитивов. Данный факт указывает на изменение положения женщины в обществе 1920–30-х годов. В своей работе исследователь Д. А. Новичкова подробно рассматривает остро поставленный в период первой

пятилетки вопрос положения женщины в обществе (Новичкова 2020). Вектор общественного развития СССР изменил направление на процесс преобразования страны из аграрной в индустриальную. В связи с этим привычный образ женщины как хранительницы очага потерял актуальность — появились такие типажи, как *ленинка*, *вузовка*, *ударница*. Данные культурно маркированные единицы активизируют в сознании читателя представления, связанные с описываемой в романе эпохой.

Изменения коснулись также сферы культуры. *Культурная революция* стала продолжением общественных преобразований: появились новые жанры театрального искусства. В 1920–30-е годы известным коллективом агитационного эстрадно-драматического направления в советском театре являлась «*Синяя блуза*» (Мокиенко, Никитина 1998: 545). Данное название происходит от формы одежды, в которой выступали молодые люди. «Синяя блуза» в тексте романа выступает в качестве символа революционного массового искусства.

Ввиду того, что молодые люди считались опорой для будущих поколений, вопрос образования молодежи стоял довольно остро. В данный период были организованы *рабочие факультеты*; в подшефные деревни командировали активистов для *ликвидации безграмотности* среди крестьян. Бедственное положение крестьян описываемого в романе периода во многом связано с проводимой в деревне политикой *разверстки*, представлявшей собой процесс изъятия у крестьян продуктов сельского хозяйства в пользу пролетарского государства (Мокиенко, Никитина 1998: 506). В тексте романа разверстка — символ бедственного положения крестьян: *И без того разверстку райкома еле-еле выполнили. Всё себя обслуживаем, а обслужить никак не можем* (Вересаев 1990: 219). Данный отрывок указывает на большие объемы изъятых у крестьян продовольствия. *Рабфак*, *ликбез* представляют собой символы объединения рабочих и крестьян, символы новой системы народного образования. Также стоит обратить внимание на факт преобразования процесса производства — на предприятиях повсеместно распространялись и применялись правила *научной организации труда (НОТ)*. Культурная революция, научная организация труда являются символами нового общества и его переустройства. Наряду с данными знаками автор выделяет понятия *коллективизация*, *индустриализация*, *пятилетка*, которые являются яркими символами эпохи 1920–30-х годов в СССР, символами правления И. В. Сталина и государственной реструктуризации различных сфер общества.

Отличительной особенностью романа является тот факт, что автор ведет повествование от лица главных героинь. Одна из сестер, Лелька, прекратила обучение в университете ради работы на производстве. В стремлении проявить себя активной комсомолкой она руководила различными кружками, осуществляла агитацию среди рабочих. Используемые в тексте романа культурные единицы *рабфак*, *втуз* также представляют собой знаки-символы эпохи изменения содержания образования СССР (Мокиенко, Никитина 1998: 102, 505): *Завязали связь*

с деревней, на той неделе деревенская молодежь приезжает к нам во втуз, на экскурсию (Вересаев 1990: 197). Как было сказано ранее, в 1920–30-х годах одним из направлений работы правительства являлась ликвидация безграмотности среди молодежи. Молодых людей зачисляли в высшие учебные заведения для получения специальности и дальнейшего поступления на работу. Техническое образование будущие специалисты могли получить в том числе во втузах или заводах-втузах (БЭС 1973). Так, в знаковом пространстве романа содержится множество единиц, соответствующих социально-культурному фону описываемой эпохи, например, Лелькой и бригадой других заинтересованных работников (*инициативной тройкой*) была организована *ударная группа для улучшения производительности*. В тексте романа инициативная тройка является символом силы, власти и целеустремленности работников.

В. В. Вересаев акцентирует внимание на том, что девушки и женщины придерживаются активной жизненной позиции, изображая их как представительниц какой-либо организации. В словаре языка Совдепии вербальный знак *ленинка* выступает в образе человека, следующего учению В. И. Ленина, или, иными словами, последовательницы ленинизма (Мокиенко, Никитина 1998: 310). Также известно, что ленинкой именовали женщину, вступившую в партию по Ленинскому призыву в 1924 году (Мокиенко, Никитина 1998: 311). В своем диссертационном исследовании Д. А. Новичкова подчеркивает сильный характер и волю вересаевской женщины: «Среди них немало сильных героинь, которые смело занимают самостоятельную позицию: они вступают в споры с мужчинами о будущем России, выражают личное мнение, стремятся разобраться в смысле революции и Гражданской войны, получают образование, много работают физически и интеллектуально — строят коммунизм» (Новичкова 2020: 109). Так осуществляемая женщиной деятельность стала ассоциироваться с тяжелым трудом на производстве. Напротив, с пренебрежением и неуважительно в начале 1920-х годов в обществе относились к *беспартийным* гражданам. Считалось, что у них нет цели и стремлений в жизни. Беспартийный человек символизировал безыдейность, и взаимоотношения с такими элементами в обществе считались унизительными: *унизился до любви к беспартийной* (Вересаев 1990: 300).

Главным направлением творчества В. В. Вересаева всегда являлось изучение жизни простого народа. В романе «Сестры» автор показывает жизнь молодежи периода 1920–30-х годов. Одним из символов Советского Союза и молодости, несомненно, является *комсомол (ВЛКСМ)*. Вступление в комсомол считалось почетным для каждого молодого ленинца. Самые юные представители союза молодежи имели возможность присоединиться к пионерам. *Барабанный бой, красные галстучки* являются символами участия детей в пионерском движении. Бой барабанов можно было услышать при маршировке, красные галстуки представляют собой предмет одежды пионеров. Данные знаки являются также и знаками-указателями.

Известно, что предметы одежды могут быть причислены к различным типам знаков — они выступают как индексы, иконы и символы в зависимости от интенции автора и коммуникативной ситуации. Молодые люди чувствовали себя необременённо, были открыты новым идеям. Новое положение в обществе и внутреннее ощущение свободы отражала одежда. Так, *кожаная курточка* является символом, выражающим определенный образ человека — истинного комсомольца, по мнению героини романа Лельки: *А когда повернулись и пошли домой, крепкие, стойкие, три кожаные курточки, то у меня задергались брови, сжались зубы, я решила: буду идти по тому пути, чтобы стать кожаной курточкой* (Вересаев 1990: 225). Таким образом, предмет одежды молодежи 1920–30-х годов — кожаная курточка — выступает символом новой жизни, бунта и ощущения власти молодежи. Кожаная курточка ассоциируется с борьбой с провинившимися общественными элементами. В период описываемых в романе событий кожаные куртки носили сотрудники ВЧК (Мокиенко, Никитина 1998: 104), занимавшиеся борьбой с контрреволюционными элементами и оппортунистами. *Оппортунизм* представляет собой символ присутствия нравственно разложившихся элементов в обществе.

Автор использует единицы *интеллигентщина* и *шигалевщина*. В тексте интеллигентщина — символ старого мира, буржуазии, «торгашеского» мышления. В обществе возникло пренебрежительное отношение к интеллигенции. К представителям интеллигенции относились с холодным снисхождением: *Интеллигентка, дворяночка. Деликатности всякие* (Вересаев 1990: 336). Данное высказывание одного из героев романа подтверждает враждебное отношение рабочего класса к интеллигенции и имеет негативные коннотации, генерируемые текстом.

Идеологемы, отраженные в тексте романа, диктуют правила поведения и установки и имеют особенность развиваться со сменой культурной парадигмы. Так, в романе обостряется конфликт между сестрами и их матерью — представителями нового и старого поколения. Мать говорит дочерям о шигалевщине и к каким результатам это явление может привести. Словом *шигалевщина* в произведении называется учение философа Шигалева, героя Ф. М. Достоевского, о социалистическом переустройстве мира на основе тотального контроля за людьми. Шигалевщина — это символ равенства и несвободы человека в условиях социалистического общества.

В художественном тексте часто прослеживается соотношение знака, символа и концепта. Цитируя А. Г. Шейкина, Е. А. Мошина утверждает, что знак может переходить в символ, приобретая определенную культурную коннотацию (Мошина 2021). В свою очередь процесс символизации объекта, выражающийся в его принадлежности к другому миру, противоположному миру вещей, является частью процесса концептуализации, в результате чего объект приобретает новые смыслы. Так, концепт «Враг», использующийся преимущественно в военном

дискурсе, получил переосмысление и приобрел дополнительное смежное значение. В тексте романа можно выделить понятие *классовый враг*, включающее в себя множество компонентов. *Классовый* определяется как ‘соответствующий идеологии, интересам того или иного класса’ (ТСРЯ 1935: 296). Под классом понимается класс пролетариев, являющийся представителем новой жизни. Классовый враг — противник пролетарской идеологии. В процессе концептуализации образовались фреймы «старая жизнь» и «новая жизнь», содержащие в себе участников, установки, правила поведения.

Вопрос взаимоотношений различных классов, своего и чужого в романе является одним из ключевых. Известно, что в период написания романа «Сестры» общественные настроения были направлены на классовую борьбу — зажиточные кулаки выступали как чуждые элементы, наряду с интеллигенцией были противопоставлены рабочему классу. Чуждыми элементами провозглашались представители какой-либо общественной среды (примазавшиеся, разложившиеся, негодные). Данное выражение используется с осудительным оттенком значения (Мокиенко, Никитина 1998: 675). *Кулаками* называли богатых зажиточных крестьян-собственников, эксплуатирующих батраков, бедняков (Мокиенко, Никитина 1998: 296). — *Нет, я не кулак, я труждающий!* (Вересаев 1990: 347) здесь употреблено с уничижительным оттенком значения. В романе кулак представляется как злостный эксплуататор бедного населения. Содержится указание на нетрудовой характер дохода кулаков, что приравнялось к деятельности нэпачей, торгашей. Кулаками могли называть также помещиков. Известно, что помещичество противопоставлялось крестьянству. Землевладелец находился в более выгодном финансовом положении, чем простые работники. Итак, кулачество в период 1920–30-х годов являлось символом изжившего себя буржуазного строя.

Люди, придерживающиеся новых устоев и представлений, с пренебрежением относились к рвачеству и к приверженцам консервативных взглядов. *Праветь* используется с неодобрительной коннотацией и имеет значение ‘становиться более правым, реакционным, консервативным’ (Мокиенко, Никитина 1998: 466). В свою очередь *рвачество* определяется как стремление человека получить как можно больше материальных благ (Мокиенко, Никитина 1998: 515).

В тексте романа содержатся именные словосочетания с цветовым компонентом «черный», например, *черная касса, черная доска, черное дело*. Данный цвет приобрел символическое значение в русской лингвокультуре. В период 1920-х годов черный цвет использовался в языке для указания на какие-либо действия, противоречащие установленным предписаниям. Для борьбы с безответственным отношением к работе в период индустриализации страны рабочими были созданы черные кассы — отдельно выделенное место, где получали заработную плату прогульщики (определение В. Ю. Сухотиной). На предприятиях также были организованы уголки, где размещались черные доски, на которые

заносились имена отстающих или провинившихся в чем-либо (Мокиенко, Никитина 1998: 179). Таким образом, *черная касса, черная доска, рвачество, правый уклон* — символы старых устоев и представлений. Следует отметить, что сочетание красного и черного цветов является знаковым и отражает колорит описываемой в романе эпохи: *В цехах, на заводском дворе и на заборе летнего помещения клуба пестрели красным и черным большие плакаты* (Вересаев 1990: 324).

Следует отметить, что символ является ключом к интерпретации текста. В романе В. В. Вересаев использует ряд символов, являющихся своего рода маячками в художественном пространстве. При помощи символов автор достоверно показал эпоху 1920–30-х годов. Также, используя знаки-символы, автор попытался передать основные идеи романа — идеи душевного кризиса, общественного разложения и перегиба. Символы в романе В. В. Вересаева «Сестры» являются основой формирования национальной идентичности, а также несут общественную значимость.

Итак, символ играет ключевую роль в семиотическом пространстве художественного произведения. Ввиду своей двусторонней природы знак-символ принадлежит к двум мирам — материальному и духовному. При смене культурной парадигмы символ сохраняет свою преемственность, однако определенный набор символов может передавать образ конкретной исторической эпохи. В романе «Сестры» В. В. Вересаев при помощи лингвокультурных деталей пытался наиболее четко изобразить события 1920–30-х годов. В романе можно выделить яркие текстовые знаки-символы — *валенки, косы, платье* — и символы эпохи, такие как *кулачество, интеллигенщина, шигалевищина, коллективизация, индустриализация, черная касса, кожаная курточка* и др. В ходе исследования было установлено, что выявленные в тексте знаки-символы соответствуют заявленным признакам, а именно: данные знаки имеют смысл (означаемое), означающее и семиотическую связку; основаны на наивных представлениях об объектах реальности. Основание выбранных символов представляет собой запоминающийся образ и передает определенную идею или явление, связанное с действительностью. Символы романа изображены в форме императивов и побуждают человека вести себя строго заданным образом.

4. Заключение

Представленные в романе символы подчинены идее старого и нового устройства общества. Прагматическая цель использования данных вербальных знаков в тексте определяется выражением ключевой оппозиции свой / чужой, по принципу которой строится советское общество 1920–30-х годов. Символы романа изображены в форме императивов и побуждают человека вести себя строго заданным образом. К идее «чужого» можно отнести следующие символы: *беспартийный, кулак, черная касса, черная доска, рвачество, правый уклон, косы,*

платье. Символы, относящиеся к идее приверженности старым устоям, имеют отрицательную коннотацию.

К идее «своего» можно отнести узуальные символы *самовар, лапти*, отражающие артефакты русской культуры, а также следующие символы эпохи: *красная косынка, «Синяя блуза», ликбез, разверстка, культурная революция, научная организация труда, коллективизация, индустриализация, пятилетка, рабфак, втуз, инициативная тройка, беспартийный, комсомол, пионер, барабанный бой, красные галстучки, кожаная курточка*. Символы в художественном произведении выполняют функцию моделирования поведения. Схожую функцию выполняют содержащиеся в тексте идеологемы *классовый враг, интеллигентщина, шигалевщина*. Символы, относящиеся к идее перестройки общества, имеют положительную коннотацию.

Используя текстовые знаки-символы, такие как *маска, валенки*, автор попытался передать основные идеи романа — идеи душевного кризиса, общественного разложения и перегиба.

Список литературы / References

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. [Arutyunova, Nina D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* (Language and the Human World). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russian)].
- Бурукина О. А. Репрезентация национальных культурных кодов в кинематографе: переводческие находки и потери // Культура и цивилизация. 2020. 10. № 3А. С. 40–56. [Burukina, Ol'ga A. (2020) *Reprezentatsiya natsional'nykh kul'turnykh kodov v kinematografe: perevodcheskie nakhodki i poteri* (Representation of National Cultural Codes in Cinema: Translation Finds and Losses). *Culture and Civilization*, Vol. 10, 3A, 40–56. DOI: 10.34670/AR.2020.85.92.005 (In Russian)].
- Джамбаева Ж. А., Жаңабай Ф. Т. Паремии с компонентом «мать» в русском языке: лингвокультурологический аспект // Актуальные вопросы лингвистики, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков в вузе. Сб. материалов VIII Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: УГГУ, 2025. С. 152–157. [Dzhambaeva, Zhanar A. & Zhanabai, Fariza T. (2025) *Paremii s komponentom «mat'» v russkom yazyke: lingvo-kul'turologicheskij aspekt* (Paroemias with the Component “Mother” in the Russian Language: Linguocultural Aspect). In *Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: Aktualnie voprosi lingvistiki, mezhkulturnoi kommunikatsii i metodiki prepodavaniya inostrannikh yazykov v vuze* (Proc. 8th Int. Scientific and Practical Conf. “Current Issues of Linguistics, Intercultural Communication and Methods of Teaching Foreign Languages at the University”). Ekaterinburg: UGGU, 152–157. (In Russian)].
- Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. [Krasnykh, Viktoriya V. (2002) *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya* (Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology). Moscow: Gnozis. (In Russian)].
- Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995. [Losev, Aleksej F. (1995) *Problema simvola i realisticheskoe iskucstvo* (The Problem of Symbol and Realistic Art). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].

- Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. [Lotman, Yurij M. (2000) *Semiosfera* (Semiosphere). Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russian)].
- Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. [Maslova, Valentina A. (2001) *Lingvokul'turologija: Ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij* (Linguoculturology: study guide for university students). M.: Izdatel'skij centr «Akademija». (In Russian)].
- Мошина Е. А. Синкретизм древних понятий на примере макроконцепта earth / land (обзор мотивирующих и архаичных понятийных признаков) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. унта. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. № 1. С. 61–71. [Moshina, Elena A. (2021) *Sinkretizm drevnix ponyatii na primere makrokontsepta earth / land (obzor motiviruyushchikh i arkhainykh ponyatiinykh priznakov)* (Syncretism of Ancient Concepts Exemplified by the Macroconcept “earth / land” (A Review of Motivating and Archaic Conceptual Signs)). *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series “Humanitarian and Social Sciences”*, 1, 61–71. (In Russian)]. DOI: 10.37482/2687-1505-V075.
- Новичкова Д. А. Художественное осмысление противоречий эпохи и духовного кризиса человека в литературном творчестве В. В. Вересаева: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Мытищи, 2020. [Novichkova, Dar'ya A. (2020) *Khudozhestvennoe osmyslenie protivorechii epokhi i dukhovnogo krizisa cheloveka v literaturnom tvorchestve V. V. Veresaeva: Dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01.* (Artistic Understanding of the Contradictions of the Epoch and the Spiritual Crisis of Man in V. V. Veresaev's Literary Works: PhD. Thesis in Philology). Mytishchi. (In Russian)].
- Пирс Ч. С. Начала прагматизма. Том 2. Логические основания теории знаков. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетея, 2000. [Peirce, Charles S. (2000) *Nachala pragmatizma. Tom 2. Logicheskie osnovaniya teorii znakov* (The Beginnings of Pragmatism. Logical Foundations of the Theory of Signs). Saint Petersburg: Laboratoriya metafizicheskikh issledovaniy filosofskogo fakul'teta SPbGU; Aleteiya. (In Russian)].
- Токарев Г. В. К проблеме изучения текстовых символов (на примере трактата Л. Н. Толстого «Исповедь») // Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике. Ереван: Изд-во РАУ, 2016. С. 155–158. [Tokarev, Grigorij V. (2016) *K probleme izucheniya tekstovykh simbolov (na primere traktata L. N. Tolstogo «Ispoved'»)* (On the Problem of Studying Text Symbols (Based on L. Tolstoy's “A Confession”)). In *Russkij yazyk na perekryostke epoh: tradicii i innovacii v rusistike* (The Russian Language at the Crossroads of Epochs: Traditions and Innovations in Russian Studies.) Erevan: Izd-vo RAU, 155–158. (In Russian)].
- Токарев Г. В. Лингвокультурный симболярный: квазисимволы: Монография. Тула: Тульское производственное полиграфическое объединение, 2021a. [Tokarev, Grigorij V. (2021a) *Lingvokul'turnyi simbolarii: kvazisimvoly* (Linguistic and Cultural Symbolary: Quasi-Symbols). Tula: Tul'skoe proizvodstvennoe poligraficheskoe ob''edinenie. (In Russian)].
- Токарев Г. В. Прагматика квазисимвола // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021b. Т. 20. № 3. С. 142–150. [Tokarev, Grigorij V. (2021b) *Pragmatika kvazisimvola* (Pragmatics of Quasi-symbol). *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 3, 142–150. (In Russian)]. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.12>
- Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс: Культура, Б. г., (1995). [Toporov, Vladimir N. (1995) *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* (Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoetic). Moscow: Progress: Kul'tura. (In Russian)].

- Шумбасова С. С. Современные лингвистические парадигмы // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: Материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Белорусского государственного университета. Минск: БГУ, 2020. С. 131–135. [Shumbasova, Svetlana S. (2020) *Sovremennye lingvisticheskie paradigm (Modern Linguistic Paradigms. In Yazykovaya lichnost' i effektivnaya kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta (Linguistic Personality and Effective Communication in the Modern Multicultural World: Proc. 6th Int. Scientific and Practical Conf. dedicated to the 100th anniversary of the Belarusian State University). Minsk: BGU, 131–135. (In Russian)]].*
- Bernstein, Basil. (1972) *Social Class, Language and Socialization*. In Moscovici, Serge (ed.) *The psychosociology of Language*. Chicago: Markham Publishing Co.
- Fairclough, Norman. (1989) *Language and Power*. New York: Longman.
- Hansen, Klaus P. (2003) *Kultur und Kulturwissenschaft: eine Einführung*. Tübingen; Basel: Francke. (In German).
- Hart, William B. (1998) Three Levels of Cultural Studies. *E-Journal of Intercultural Relations*, 6.
- Hofstede, Geert. (1997) *Cultures and Organizations: Software of the mind: Intercultural Cooperation and its importance for survival*. New York: McGraw-Hill.
- Kuße, Holger. (2012) *Kulturwissenschaftliche Linguistik: Eine Einführung*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. (In German).
- Levi-Strauss, Claude. (1966) *The savage mind*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Morris, Charles W. (1938) *Foundation of the Theory of Signs*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Schwartz, Shalom H. (1994) Beyond Individualism and Collectivism: New Cultural Dimensions of Values. In Kim, Uichol, Triandis, Harry C., Kagitcibasi, Cigdem, Choi, Sang-Chin & Yoon, Gene. (eds.), *Individualism and Collectivism: Theory, Method and Application*. Thousand Oaks CA: Sage, 85–119.
- Smith, Peter B. (2004) Nations, Cultures and Individuals: New Perspectives on Old Dilemmas. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 35, 1, 6–12.
- Van Dijk, Teun A. (2001) Discourse, Ideology and Context. *Folia Linguistica*, XXXV (1-2), 11–40.

Словари / Dictionaries

- БЭС — Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1973. [Prokhorov, Aleksandr M. (ed.) (1973) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya (Great Soviet Encyclopedia)*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)].
- Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017. [Kovshova, Mariya L., Gudkov, Dmitry B. (2017) *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov (Dictionary of Linguoculturology Terms)*. Moscow: Gnozis. (In Russian)].
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб: Фолио-пресс, 1998. [Mokienko, Valerij M., Nikitina, Tat'yana G. (1998) *Tolkovyi slovar' yazyka Sovdep'ii (Explanatory Dictionary of Sovdepia)*. Saint Peterburg: Folio-press. (In Russian)].
- Токарев Г. В. Словарь лингвокультурологических терминов. Тула: ТППО, 2022. Tokarev, Grigorij V. (2022) *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov (Dictionary of Linguoculturology Terms)*. Tula: ТРРО. (In Russian)].
- ТСРЯ — Толковый словарь русского языка. Т. 1. А — Кюрины / Под ред. проф. Д. Н. Ушаков. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935. [Ushakov, Dmitry N. (1935) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka (Explanatory Dictionary of the Russian Language)*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej. (In Russian)].

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка. Т. 2. Л — Ояловеть / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1938. [Ushakov, Dmitry N. (1938) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (Explanatory Dictionary of the Russian Language). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej. (In Russian)].

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка. Т. 4. С — Ящурный / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1940. [Ushakov, Dmitry N. (1940) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (Explanatory Dictionary of the Russian Language). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej. (In Russian)].

Источники языкового материала / Language material resources

Вересаев В. В. В тупике; Сестры: романы / Предисл. В. Лидина; подгот. текста, послесл., примеч. В. Нольде, Е. Зайончковского. Москва: Книжная палата, 1990. [Veresaev, Vikentij V. (1990). *V tupike; Sestry: romany* (At a dead end; The Sisters: Novels). Preface by Lidin, Vladimir G.; prepared by text, afterword, note by Nol'de, Valeriya M., Zaionchkovsky, Evgenij. Moscow: Knizhnaya palata. (In Russian)].